

— Лекарство с лица стёрлось, — заметил Оу Хэн.

Мазь была прохладной, и как только её наносили, она сразу же начинала действовать.

— Пойдём есть. Нельзя, чтобы мой малыш голодал.

Ли Цзюньюй переодел Оу Хэна в милую домашнюю одежду с изображением Тоторо — мультяшного зверька, который выглядел так, будто крепко спал и похрапывал.

— Я голоден, — сказал Оу Хэн.

То небольшое, что он съел утром, давно переварилось, а после ванны голод стал ещё сильнее.

— Хэнхэн!

Увидев, что Оу Хэн спускается по лестнице, Ли Нянь, словно маленькая пушечка, бросился к нему и обнял за талию.

Ли Цзюньюй спокойно посмотрел на Ли Няня, а тот, чувствуя поддержку Ян Ханя и Оу Кэ, уставился на Ли Цзюньюя, не боясь его.

— Садитесь есть, — Ли Цзюньюэ, опасаясь за жизнь своего сына, поспешила разрядить обстановку. Она боялась, что, когда Ян Хань и Оу Кэ уйдут, её сына действительно выбросят на съедение акулам.

— Эр-эр, Цзюньюй, Цзюньюэ, Нянь...

Ли Юэ'эр ещё не вошла в дом, но её голос уже раздался в комнате.

— Тётя Ли...

Услышав голос, Оу Хэн резко повернулся к входу и, увидев Ли Юэ'эр, широко улыбнулся, раскрыв объятия.

Конечно, он хотел подбежать к ней, но на его талии висел ребёнок, который не давал ему двигаться. Он попытался, но не смог сдвинуться с места, поэтому просто остался стоять с раскрытыми объятиями.

— Ой, малыш, ты стал ещё милее...

Ли Юэ'эр бросила мужа и подошла обнять Оу Хэна.

— Я красивый...

Он не милый...

— Хорошо, хорошо, красивый, красивый... Эй, муж, почему ты не заходишь? Быстро занеси вещи наверх, зачем стоишь у двери? Как будто стражник?

Ли Юэ'эр посмотрела на Ли Хаочэна, который стоял у входа с каменным лицом, и не могла понять, рад он или сердится.

Ли Хаочэн молча потащил чемодан наверх, а управляющий и слуги, которые собирались помочь, были ошеломлены и не знали, стоит ли им подниматься.

— Мама, иди переоденься и спускайся есть, — Ли Цзюньюй вытащил своего малыша из объятий матери и взял его на руки.

— О...

Ли Юэ'эр без эмоций произнесла это. Её сын был настоящим ревнивцем, и она не знала, от кого он это унаследовал.

— На кухне приготовьте ещё два блюда, — Ли Цзюньюй приказал управляющему.

Ли Цзюньюй усадил Оу Хэна в конце стола. Почётные места заняли Ли Хаочэн и его супруг, затем Оу Кэ и Ян Хань. Когда Ли Цзюньюй и Оу Хэн сели, Ли Нянь хотел сесть рядом с Оу Хэном, но места не было.

Ли Няню пришлось надуть губы и встать за спиной Оу Хэна, готовым вот-вот расплакаться. Его голубые глаза, чистые как небо, смотрели на Оу Хэна, и тот не смог устоять, решив, что Ли Нянь хочет сесть рядом.

— Нянь хочет сесть здесь? Тогда садись сюда, — Оу Хэн встал и усадил Ли Няня на своё место, а сам перешёл на противоположную сторону.

Ли Нянь сел, но ему стало ещё грустнее. Его Хэнхэн не понимал его чувств, не ощущал его душевных переживаний. Обидно.

Ли Цзюньюй с невозмутимым видом встал, подошёл и сел рядом с Оу Хэном. Теперь Ли Нянь не мог двигаться, сидя напротив Оу Хэна и Ли Цзюньюя.

Во время еды Ли Нянь наблюдал, как Ли Цзюньюй кладёт еду в тарелку Оу Хэну, а тот в свою очередь — Ли Цзюньюю. Каждое движение Ли Цзюньюя почему-то бросалось в глаза. Ли Нянь злится, просто кипит от гнева, и даже не заметил, как съел нелюбимую зелень.

За столом собралось девять человек — три пары, которые всё время занимались любовью. Ли Цзюньюэ чуть не сломала палочки для еды. У неё ведь есть муж, зачем ей ещё и это... Насмотрелась на чужую любовь — муж в ответ внимания не уделяет, пусть идёт спать на диван.

Когда Оу Кэ и другие прибыли, через три дня наступил канун Нового года. Ужин готовили Ли Цзюньюй, Оу Кэ, Ли Хаочэн и Оу Хэ. Хотя Ли Хаочэн и Оу Хэ могли только помогать, основную работу выполняли Оу Кэ и Ли Цзюньюй. Ян Хань с компанией развлекались, так как Оу Хэн и Ян Хань были настоящей катастрофой на кухне, и Оу Кэ им не доверял.

Если бы они туда полезли, сегодня бы остались без ужина.

Муж Ли Цзюньюэ, Шон, тоже приехал, но к приготовлению китайского ужина его не допустили, пришлось ему развлекать остальных картами в гостиной.

Маджонг — это игра на память и расчёт. Шон, ставший главой семьи Генри, не мог быть плох в этом, но за столом сидели люди, которых он не мог обидеть.

Шон играл, обливаясь холодным потом. Тёща сидела рядом, и нужно было незаметно подкидывать ей карты. Жена сидела сверху, и её карты он боялся брать. А напротив сидел будущий тесть шурина, и если бы его обидеть, шурина мог придумать бог знает что.

Так что после дневной партии Шон почувствовал себя уставшим сильнее, чем после рабочего дня. Сплошные мучения.

— Быстро мойте руки, пора есть, — Оу Хэ, расставляя приборы, крикнул в сторону гостиной. Все, кроме Шона, тут же бросили карты и поблибли мыть руки.

Шон вытер пот со лба и быстро перемешал карты. Каждый раз, когда ему выпадали хорошие карты, приходилось их ломать ради стратегии. От этой боли в сердце невозможно было вспоминать, а то сердце схватывало спазм.

Наконец всё закончилось. Уметь готовить — это такое счастье. Теперь он понимал, почему шурин и тесть умеют готовить. Настоящее пророчество, восхищает.

Шон твёрдо решил, что обязательно научится готовить, иначе в следующий раз снова придётся страдать.

Все кроме Оу Хэ были парами. Оу Хэ почувствовал, что этот мир не приспособлен для одиноких, особенно когда возвращаешься домой и получаешь критический урон, полоска здоровья мгновенно уходит в минус.

Оу Хэ и ещё один человек грелись друг о дружку в своём одиночестве.

Новогодний ужин прошёл очень весело, семья болтала и смеялась. После еды посуду убрали слуги, а все пошли в гостиную играть в карты.

Оу Хэн не очень умел играть, но людей не хватало, поэтому он присоединился к столу Ли Юэ'эр. Все приготовили мелочь и наличные. Ли Цзюньюй набил ящик перед Оу Хэном деньгами. Оу Хэн играл не очень, и Ли Цзюньюй боялся, что тот проиграет всё.

Бодрствовали всю ночь. Ли Нянь сидел рядом с мамой Ли Цзюньюэ, смотрел телевизор и ел фрукты с закусками.

Оу Хэн не очень умел играть в маджонг, зная только базовые правила, но ему везло невероятно — почти в каждой раздаче он собирал чистую масть.

«Ветер и дождь» приходили и уходили, остальные трое смотрели на него с остолбенением. Стоило ему случайно выложить карту, как это оказывалось выигрышной для кого-то, и они боялись выкладывать хоть что-то, вдруг снова подкинут на выигрыш.

Перед Оу Хэном уже лежала гора денег, в ящик они больше не помещались, поэтому их свалили на стол.

— Нянь, иди к папе, посиди там, — Ли Цзюньюэ заметила сына, который сидел рядом с кем-то. Возможно, именно поэтому у неё не было удачи. Нужно было срочно сменить удачу. Она должна была удалить сына, чтобы изменить фортуна.

Так долго играя, она выиграла только один раз на пустяках, а в остальном всё проигрывала. Неужели её удача настолько плоха?

После того как Ли Нянь ушёл, удача Ли Цзюньюэ действительно улучшилась, и она почувствовала прилив радости. Она так и знала, что не может быть такой плохой руки.

Когда по телевизору начался обратный отсчёт, все бросили карты и пошли лепить пельмени.

— Малыш, ты выиграл так много? — Ли Цзюньюй с удивлением посмотрел на деньги перед Оу Хэном.

— Угу, угу, младший папа и остальные все мне поддавались, — Оу Хэн обнял Ли Цзюньюя, наслаждаясь вкусом победы.

Услышав это, Ян Хань с компанией поперхнулись от возмущения. Лепить пельмени они стали с гораздо большим усердием, чем обычно. Они не поддавались, но вынуждены были сохранять улыбку и делать вид, что они великодушны. Хотя деньги эти были пустяком, проигрыш всё равно доставлял мало радости.

Вечером, после того как все съели пельмени, люди начали потихоньку расходиться по комнатам спать. В гостиной оставили свет, продолжая бодрствовать.

Первый день Нового года. Никого не заставляли вставать, работы не было, в доме стояла тишина. Оу Хэн распластался на Ли Цзюньюе. Ли Цзюньюй, который обычно занимался утренними упражнениями, сдался и продолжил спать, боясь разбудить Оу Хэна.

— Проснулся? — Ли Цзюньюй посмотрел на своего большого малыша, который наконец-то смутно приоткрыл глаза. Голос был тихим, с утренней хрипотцой.

— Угу, голодный...

Оу Хэн перевернулся и повис на Ли Цзюньюе всем телом, словно пирамидка.

<http://bllate.org/book/16768/1541283>